

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ОКТЯБРЬ 1932 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

К В К П (б)

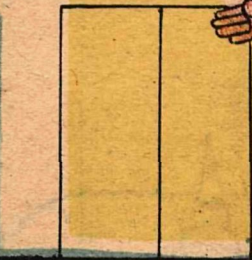
ПРАВДА

ЗА ЗАСЕДАНИЕ

Цена 25 коп.

Этот номер „КРОКОДИЛА“ выходит в изданиях: московское, основное, ленинградское и урало-сибирское.

Урало-Сибирское издание

В. Козлинский

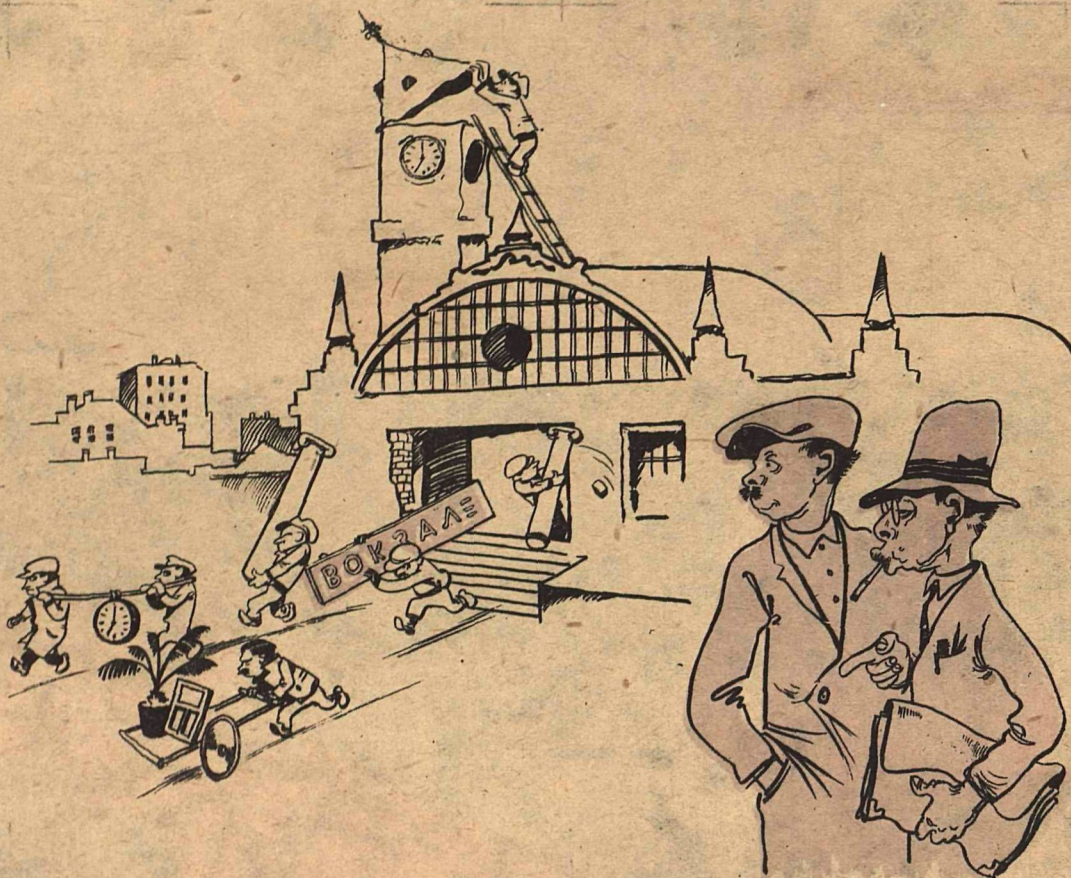

ПОВЕРХНОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К УГЛЮ

ГОЛОС СНИЗУ: — Все вниз, у нас прорыв!

ГОЛОС СВЕРХУ: — Все вверх, у нас заседание!

М. Храповский

ПРОФБЮРОКРАТЫ:— Эге, так и до греха недалеко! Еще, чего доброго, стянут что-нибудь...

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГВОЗДИ

ЗВЕСТНО, что от великого до смешного — один шаг

Какова же та мера длины, которая отделяет гениальное от простого? Некоторые мыслители уверяют, что обе эти разновидности ходят рядом — плечом к плечу. Другие утверждают, что в самой простоте и кроются искры гениальности. Мне кажется, что последнее более соответствует не только истине, но и литературной практике.

Взять хотя бы историю Виталия Беспощадного. Начал он свою шумную литературную карьеру очень просто. И вместе с тем чрезвычайно гениально.

Дело было так. Однажды на четвертой полосе „Литературных ведомостей“ появилось пространное письмо в редакцию. Виталий Беспощадный с большим подъемом каялся в своих ошибках. Виталий Беспощадный разбирал абзац за абзацем свой ровный роман „Железные гвозди“.

Он ругал себя самыми последними словами. Он обвинял себя: в правом уклоне (см. „Железные гвозди“, стр. 74—341), в „левацких“ загибах (см. стр. 38—73 и 342—484), в примиренчестве (см. стр. 485—486), в великодержавном шовинизме (см. стр. 7—16), в ползучем эмпиризме (см. стр. 486—570), в замазывании чего-то (стр. 20—32), недооценке чего-то (стр. 33—39), в недопонимании вот этого (стр. 40—752), в недоговаривании (стр. 11, девятая строчка сверху), в безграмотности (стр. 1—798).

Письмо в редакцию оканчивалось так:

„Конечно я не заблуждаюсь и не хочу ввести в заблуждение других: в настоящем кратком письме я не мог дать развернутой критики всех моих ошибок. Я даже лишен возможности привести их полный список. В настоящий момент я работаю над большим авторефератом, посвященным самой жесткой критике моего творческого метода, моих ошибок и моих опечаток“.

Письмо произвело в некоторых литературных кругах большую сенсацию. Критик Н. И. Воплин выступил со статьей, в которой доказывал, что в общем и целом Виталий Беспощадный правильно подчеркнул ошибки своего романа „Железные гвозди“, но недостаточно остановился на диалектике своего мироощущения, смазав вопросы классовой борьбы в переходный период от феодализма к капитализму“.

Тогда критик Пискунчик обложил Воплина со всех сторон. Пискунчик, оперируя двумя цитатами из Плеханова, убедительнейшим образом доказал, что Цаплин — гнилой либерал и тупица, кроме того, Воплин по адресу Пискунчика употребил одно слово, начинающееся на „пере“: нето перегибщик, нето переверзевец, нето перевалец...

К месту сражения подоспел небезызвестный мыслитель и литературовед Людовик Трахтарарах. Брандспойтом своей критики он облил и Виталия Беспощадного, и Воплина, и Пискунчика. Роман „Железные гвозди“ он назвал деревянным произведением. Автора — Пуришкевичем. Вышеупомянутых критиков облепил ярлыками, среди которых самый нежный был — „трепачи“.

Воплин выступил с письмом в редакцию, в котором указывал, что его не поняли. И поэтому он, Воплин, признает свои ошибки и обещает в дальнейшей своей работе исправиться.

Пискунчик в письме в редакцию указывал на то, что его поняли, и поэтому он, Пискунчик, признает свои ошибки и так далее.

Тогда Людовик Трахтарарах выступил с новой статьей. Роман „Железные гвозди“, по словам маститого юноши, имеет и свои хорошие стороны. Правда, в нем и „целый ряд“ недостатков. Виталий Беспощадный, хотя и недостаточно полно, но в „общем и целом“ дал правильный анализ своих ошибок. Но как безруки, безноги, импотентны такие критики, как Воплин, как Пискунчик, которые, с одной стороны, не заметили, а с другой, — перелеснули.

Страсти разгорелись. Воздух накалился. Говорили. Писали. Кричали. Шумели. Вопили. И все о романе „Железные гвозди“ и все об ошибках Виталия Беспощадного.

В большой аудитории был организован диспут:

„Пути и ошибки Виталия Беспощадного“. Через несколько дней собеседование: „Мировоззрение как метод в творчестве Виталия Беспощадного“.

Собеседование прошло не без инцидента. Нашелся один любознательный человек, который поставил вопрос весьма оригинально:

— Товарищи, — сказал любознательный человек, — а кто из вас видал Виталия Беспощадного?

НЕЧТО СОБАЧЬЕ

В Голливуде умерла знаменитая собака Рин-тин-тин. Немедленно на спиритическом сеансе был вызван „дух“, Рин-тин-тин, который заявил, что во избежание кризиса в кинопромышленности следует снизить зарплату киноработникам. Интересно отметить, как все собаки говорят одно и то же, независимо от того, умерли ли они или сидят на министерских креслах.

НАСЧЕТ ШКУР

Герберт Уэльс, испуганный экономической разрухой, в одной из последних статей заявил, что скоро человечество наденет шкуры и вернется в пещеры. Очевидно в расчете на этот туалет запасливые соотечественники Уэльса так поспешно и сдирают по семи шкур со своих колониальных подданных.

НЕ ХОДИ ОДИН, А ХОДИ С БАБУШКОЙ

В одной из своих последних речей Гитлер заявил, что для завоевания власти он вместе, „если надо, хоть с чортовой бабушкой“. Чортובה бабушка все-таки — дама. В порядке вежливости надо сначала спросить ее самое: захочет ли она открыто пойти с Гитлером? Зачем старушке даром рисковать репутацией.

НА ГРАНИЦЕ МЕКСИКИ И УГОЛОВЩИНЫ

На границе Мексики при обыске у одного из европейских дипломатов был найден мешочек с бриллиантами, спрятанный на груди под рубашкой. Ну, что же: дипломаты всегда носят камни за пазухой. А бриллианты — это шикарнее.

РОКОВАЯ ТАЙНА

Как сообщают американские газеты, из приемной президента исчез и до сих пор неизвестно, где находится один из творцов „сухого закона“ — сенатор Робертс. Странное беспокойство. Неужели человеку нельзя пойти выпить? А если засиделся с хорошей компанией — ведь взрослый человек, и выборы не скоро.

БУРЖУАЗНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В Польше идет лихорадочная стройка. Так: ассигнован миллион злотых на новую тюрьму в Лодзи, заканчивается постройка тюрьмы в Гродно и начата новая тюрьма в Варшаве. Такая забота польской буржуазии о своем будущем — прямо трогательна. Особняки теперь дело тиблосе, а тут уже уголок на старость будет обеспечен.

Всеобщее молчание, перешедшее в замешательство.

— Зачем видать? — нашелся некий домохозяйственный остряк. — Я, например, Португалии тоже никогда не видал. Значит — и ее нет на свете?

— Португалия не в Москве, — спокойно отвечал любознательный человек. — А Виталий Беспощадный, говорят, в Москве. Но у меня другой вопрос: кто из присутствующих здесь читал „Железные гвозди“?

— Vsel Vsel!

— Что за дикие вопросы?

— Ха-ха!

— Он издевается над нами... Долой!

— Любознательный человек обождал, пока шум не утих.

— Слушайте дальше, — продолжал он, — я это дело подробно проверил. Нет в природе такой книги. Нет никакого Виталия Беспощадного и никакого романа „Железные гвозди“.

Немая сцена.

Прошел год. Автор этих строк получил письмо следующего содержания:

„Дорогой товарищ! Может быть, помните нашумевшего в прошлом году Виталия Беспощадного.“

Это — я. Но зовут меня не Виталий, и фамилия моя не Беспощадный. Вдобавок должен отметить, что никогда никаких романов, тем более „Железных гвоздей“, не писал. Я — рабфаковец Семен Зубов. В прошлом году я захотел поиздеваться и показать всю безграмотность и недобропорядочность некоторых наших „критиков“. Мне это вполне удалось. Они здорово попались на мою удочку.

Прошел год. За это время многое изменилось в нашем литературном мире. „Иных уж нет, а те далече“... Кажется, пришел конец беспринципной шумихе. Но...

Об этом „но“ я и хочу потолковать. Видите ли, я очень слежу за литературой и за всем, что происходит на этом горизонте. И вот замечаю, что некоторые субъекты, сугубо правые элементы, уже повели разговор о птичках, которые поют „как бог велит“. Вот об этих кулацких птичках я и просил бы вас написать“.

Я ответил Семену Зубову. Обещал написать. Обещание выполняю. Непременно.

Г. Рыжков.

К. Ротов

— Ради всего святого, доктор, не скрывайте, чем он болен?

— А кто его знает! Я ведь кончил еще до нового постановления о высшей школе.

КРОКОДИЛ № 29-30 Выходит на 20
Страницах
С П Е Ц И А Л Ь Н Ы Й Ю Б И Л Е Й Н Ы Й

ОН ХОДИЛ по станционной платформе и внимательно изучал строгие объявления и приказы, которые висели на каждом шагу. После этого он почти вплотную подошел к стрелку железнодорожной охраны и начал нарушать законы.

Во-первых, он плевал вокруг себя с таким усердием, что слюна концентрическими кругами располагалась вокруг стрелка.

Во-вторых, он сорвал со стены плакат, на котором буквами, не допускающими противоречий, было начертано: „Ходить по путям строго воспрещается. За нарушение штраф“, изорвал его в мелкие кусочки и, как конфетти, осыпал ими перрон, вызывая еще глядя при этом на дежурного стрелка.

В-третьих, он прыгнул с высокой платформы и, широко расставив руки, балансируя, подобно канатоходцу, долго ходил по одному рельсу под самым носом часового.

Но блюститель порядка продолжал оставаться невозмутимым. И тогда Хатов решился на отчаянную меру. Он подошел к водонапорной башне, на которой висел громадный плакат: „Не пейте сырой воды“, предназначенный, очевидно, для паровозов, с усилием отвернул огромный кран, и когда мощная струя воды ринулась сверху, он, осторожно вытянув вперед губы, долго утолял жажду.

Стрелок безучастно смотрел на Хатова и „на челе его высоко не отразилось ничего“. Тогда Гассан подошел к нему вплотную и отчаянным голосом сказал:

— Вяжите меня! и по этапу отправьте в Дыркино!

— Это за что же? — флегматично спросил стрелок.

И тогда огляделся Хатов по сторонам и увидел то, чего не замечал раньше. Платформа утопала в окурках, бумажках, осколках бутылок и грязи. Трое парней занимались спортом — кто доплетает до семафора, и выбрасывали из себя слюну с силой, которой позавидовал бы катапульт. Против самой платформы, через главный путь, была протянута веревка, и сушилось на ней белье начальника станции.

И понял тогда Хатов, что на таких преступлениях далеко не уедешь.

В эту минуту раздался сиплый свисток паровоза, и товарный поезд, кряхтя и кашляя, круто затормозил перед протянутой через главный путь веревкой, на которой сушились портки.

И воспользовался Хатов благоприятным случаем, и пока кондуктора, ругаясь, убрали веревку, он проскользнул в служебную теплушку и залез под скамейку.

И вошли в вагон кондуктора, крепкими словами осуждая начальника станции, который всегда не вовремя развешивает белье на путях и, усевшись, возобновили прерванный разговор.

И вот что услышал Хатов:

— Нынче состав подходящий. Жить можно. И мяса отхватим, и сахарком побалуемся, пудика по три на брата, чтобы не очень заметно было, — смаковал кондуктор.

— Это что, — отозвался второй. — Наша жизнь — что лотерея. Все от состава зависит. Вот в прошлый раз, доложу вам, влип я: сто осей и никакого толку, — ни тебе муки ни постного масла, одна чортова индустрия: уголь и экскаваторы, экскаваторы и уголь. Даже гайкой или болтом не попользовался.

И до слуха Хатова донесся сокрушенный вздох хранителя общественной собственности.

Похороженка Гассана Хатова (новья арабская сказка)

Сказка Абрага

(Окончание)

Иллюстрации К. Елисева

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО: Любимой книгой дыркинского райпрокурора тов. Хатова были сказки „1001 ночь“. И когда он поехал на рыбную ловлю, случилось так, что его ограбили. Тогда Хатов решил, подобно Гарун-Аль-Рашиду, пройти в роли жалобщика по учреждениям своего района и проверить, как работает низовой аппарат. Он подал заявление в ближайшую районную милицию. Там, после продолжительной канители, работников искать отказались и послали его в другое отделение милиции „по месту происшествия“. После долгих скитаний и ареста, измученный и усталый, Хатов добрался, наконец, до станции Добрево, чтобы поехать в родное Дыркино. Но у него не было денег на проезд.

— Ну, ребята, заболтались, скоро Дыркино. Пора и за дело приниматься. Сигналь Прохору, чтобы тормозил! — распорядился главный.

И услышал Гассан, как прыгнули они с поезда, как, толкая друг друга, остановились вагоны и как, лязгая, падали засовы и открывались двери теплушек. Потом все стихло, и Гассан осторожно выглянул из своего убежища. И увидел он, как в кромешной тьме прыгали огоньки кондукторских фонарей и как люди, сгибаясь под тяжестью, тащили к вагону мешки.

Гассан снова спрятался под скамейку, и через минуту один из мешков брякнулся рядом с ним.

— Ну, теперь и соснуть можно, — сказал главный, — в Дыркине прямо на базар и повезем.

Он пересчитал добычу, и кондуктора согласно захрапели.

Но Хатов не спал. События последних дней проходили перед ним, как обвинительный акт самому себе, и думал он о том, как завтра же примется за работу, и как будут открыты глаза и уши его для жалоб и заявлений, и как поистине восторжествует революционная законность во вверенном ему районе.

„Но как я доберусь до дома в таком виде?“ — внезапно подумал Хатов. И мысль эта, назойливая, как бьющаяся о стекло муха, завладела им.

Рука его коснулась мешка с мясом, лежавшего рядом. И дежурная счастливая мысль, как всегда в таких случаях, осенила Гассана. Он развязал мешок, стараясь не шуметь,

вытащил из него телячью тушу, задвинул ее в самый дальний угол, прорезал в мешковине два отверстия, влез в мешок и, просунув руки в дыры, сам над собой завязал его.

ГЛАВА V, А НОЧЬ 1006-Я И ПОСЛЕДНЯЯ

Наступило утро, восьмое и последнее, и прибыл поезд в Дыркино, — кондуктора поволокли на рынок украденное мясо и сахар.

Как коршуны, налетели на них перекупщики. И начался торг: покупатели называли цифры, еще не видя товара, кондуктора подымали семафоры цен, они сходились и расходились, хлопали друг друга по лямкам, бойлись, и густая брань их повисла над базаром.

Наконец они ударили по рукам, и Хатов почувствовал, что наступает минута освобождения. Он приготовился к прыжку, и когда мешок был развязан, — как тигр, выпрыгнул из него.

— Караул, грабят! — закричали кондуктора и, бросив добычу, в испуге рассыпались по сторонам.

На рынке поднялась суматоха: заржали кони, заголосили бабы, и через опрокинутые лотки валом повалил народ. Суматоха усугублялась еще тем обстоятельством, что милиционер стоял на посту, беспомощный, как ребенок. Он отдал в стирку свои белые перчатки, а без них чувствовал себя не в силах регулировать уличное движение.

А в это время оборванный, полуголый Хатов пулей пролетел в исполком, здание которого украшало собой базарную площадь. Он

поднялся по знакомой лестнице, и по мере того как Гассан приближался к своему кабинету, все уверенней становились его шаги.

У дверей кабинета коридор был загроможден толпой просителей и жалобщиков. Плотной стеной стояла эта толпа, и не было такой силы, которая могла бы пробить ее.

И как бы дразня Гассана, на двери кабинета заманчиво поблескивала досочка:

Районный прокурор
Г. С. Хатов

И каждый раз, когда открывалась дверь, кидался Гассан на приступ и отступал он с уроном для тела, и твердо решил Хатов ликвидировать очереди у своего кабинета.

Он в последний раз смирился и покорно стал дожидаться очереди. И только к концу дня, изможденного и помятого, толпа втокнула его в комнату.

И когда его сдавили в дверях, последние остатки брюк Гарун-Аль-Рашида спали с его исхудавшего тела, и голый, как лысина, предстал он перед своим заместителем Кузьмичевым, стыдливо прикрывая руками наготу свою.

Зам мелком взглянул на голого человека и буркнул:

— Брюки надень, а потом приходи!

И услышав это, задрожал от ярости Гассан и упал без чувств.

А когда пришел в себя, сидел он одетый в своем кресле, и переминался перед ним с ноги на ногу смущенный Кузьмичев.

* * *

И переименовал себя Гассан снова в Ивана и подарил сказки „1001 ночь“ в городскую библиотеку, после чего приступил к работе.

И приказал он освободить Бобылева и посадить под замок председателя Добреевского сельсовета, и наказал он грабителей-кондукторов, и перестали сушиться на главном пути портки начальника станции.

Почти ежедневно начал выезжать Иван Сергеевич Хатов в колхозы и сельсоветы; но вместо бамбуковых удочек с хитроумными снарядами вез он с собой жалобы и заявления и расследовал их на месте.

И повстречалась ему однажды на возу, возвышаясь над снопами, грудастая баба, которая была его во сне бамбуковыми удочками и приговаривала при этом: „Работать надо“.

— Работаем! — звонким голосом вместо приветствия крикнул ей Хатов и исчез, подымая за собой облако пыли.

И, как эта пыль, рассеялся последний дымок романтики, и долго смеялся Хатов над дыркинским Гарун-Аль-Рашидом.

На этом, собственно говоря, и окончились необыкновенные приключения Гассана Сергеевича Хатова, уступив место трудовым будням дыркинского райпрокурора. Но истина требует отметить, что из разных концов района вместо похищенных брюк прислали ему десять пар синих, гвардейского сукна, галифе, отобранных у грабителей. И каждый сельсовет утверждал, что только присланные им брюки — подлинные хатовские. Здесь были брюки самых разнообразных фасонов: и со штрипками, и без штрипок, и с пуговицами, и без пуговиц.

И передал их товарищ Хатов в трудовую колонию для беспризорных. И на удивление всему Дыркину щеголяли бывшие беспризорные в синих, гвардейского сукна, галифе.

ДНЕПРОВСКИЕ ПОРОГИ

КАК? НЕУЖЕЛИ Днепровские пороги существуют еще по сей день? Неужто не вгрызлись еще в них железные челюсти Днепростроя? И разве на том месте, где?..

Прервем всякие сомнения. Мы говорим не о тех каменных глыбах, что стадом слонов сидели по брюхо в бурлящей воде. Иные сохранились пороги...

И редкий пассажир днепровского парохода не испытал их прелесть в плавании.

Особливо, если пароход — старенькая утка, счастливый век, которой давно уже окончился.

На таком ковчеге пассажиру третьего класса не воспрещено париться в закутках, примыкающих к кочегарке, валяться в проходах между бочками и мешками с грузом, мочнуть под дождевиком и валяться на палубе без тента.

Все это пассажиру не запрещено, но кроме этого ничего ему больше не разрешено и не предоставлено. К тому же, если в товаро-пассажирском рейсе по пути подвалит грузу, то сокращаться будет пассажир, а не бочка или мешок.

Вытесненные из проходов пассажиры третьего класса карабкаются на тару и лепятся, как сельди, на бочках, либо занимают „хлебное местечко“ на мешках с зерном.

Для пассажиров второго класса отводится место, которое называется на пароходе „загальной“ каютой, или, в переводе с украинского — общей каютой.

Первый слой пассажиров посажен в каюте густо, как семена в подсолнухе. Цементированный пожитками этот слой недвижим, другой слой вытягивается хвостом у кассы на пароходе в надежде, что второй помощник капитана однажды откроет окошечко и продаст пару спальных плацкарт в каюту второго класса.

Этого в пути не бывает. Всегда найдутся ловкие люди, которые подобно одесским собратям представят командировки от своих жактов с пометкой „весьма уборочная“ и захвагивают все лучшее, что мыслимо, в пути.

Третья прослойка второклассных пассажиров, отколовшаяся от первого и второго слоя, жертвенно поднимается на палубу, где ежится в летнем дождевике всю ночь. А утром, подняв ключицы до ушей, несчастные лякают зубами, но не снаются.

— Какая ночь! Ах, какая была ночь! И представьте, спать совсем, совсем, совсем не хотелось.

Предательские зевки раздрают их посиневшие лица.

О первом классе и его пассажирах принять

в путевых описаниях рассказывать в тоне завистливой иронии.

Однако на нашей речной колыхаге не очень-то позавидуешь и пассажирам первого класса.

Первый класс — салон и каюты. В салоне — плакат санпросвета: „Уничтожай мух“, и сонмы мух на плакате. В каютах — клопы или блохи. Вместе они не уживаются. И те и другие работают покаютно артелями. И те и другие совершают рейсы вниз и вверх по течению Днепра. Их шеф — каютная уборщица.

Надо только послушать ее ласковые фиоритуры:

— Голубе мое, откуда ж я вам возьму белье, когда никакого белья у нас нету?

— Голубе ж мое, а как я вам открою окно, когда она совсем и не открывается?

— Голубе! Зачем ити в умывальню, когда там все равно воды — ни капельки.

— Это не клоп, голубе! Где вы такого клопа видели? Это ж, наверно, божья коровка!

На Ноевом ковчеге стенгазета, как известно, не издавалась. На описываемом ковчеге издается стенгазета. Прочсть можно название газеты и подпись редколлегии. Остальное смазано временем и мухами.

Капитан на таком суденышке — тихий и добрый малый, а помощники — обязательно тигры.

Забрав концы у места отправления, добряк смывается с мостиков к себе в капитанскую каюту. Вся власть на пароходе переходит к тиграм...

...Реклама не в нашем обычае. Но мы также против обезлички и обобщений. Мы описали два парохода, присвоившие славные имена Чубаря и Коссиора.

И еще для уточнения: мухи изобиливали на первом пароходе, а блохи и тигры — это уже на другом.

А. Митинский.

Водный транспорт до сих пор ощущает большую нехватку в квалифицированных кадрах.

К. Р.

КАПИТАН: — Отдай якорь!

МАТРОС: — Кому?

С Л А В А

ДОМ у нас такой огромный,
В нашем доме масса комнат,
Я писатель очень скромный,
И жильцы меня не помнят.

И на то, что я писатель,
Может, не без дарованья —
Управдом и председатель
Абсолютно ноль вниманья.

Скушно пешкою жить в мире
И, к известности влекомый,
Написал я панегирик
В стенгазете управдому.

Я свое стихотворенье
Забстрил на важной теме:
О чердачном помещеньи
И о бельевой проблеме.

Пусть порой за недостатки
В управдома мечут шпильки,
Но чердак его в порядке
И в сохранности опилки...

Рассуждая об'ективно,
Я отметил наипаче
Управдомову активность,
Их супруги и собачек.

Все ж об этом в доме знают,
Принимая во вниманье,
Что собачки бодрым лаем
Охраняют достоянье.

Доказавши людям это,
Я ничуть не промахнулся:
Управдом лицом к поэту
Очень скоро повернулся.

Он стихами, что есть мочи,
Восхитился и пленился,
И со мною, между прочим,
По душам разговорился.

— Да, — сказал он мне в ударе, —
Вы писатель настоящий!
Напишите же, товарищ,
И про мусорный нам ящик...

Пусть гражданкам ваша муза
Даст в стихах головоломку,
Чтоб они бросали мусор
Не в окно, а на помойку...

Я пишу, пишу зазорно,
От усердия сгорая,
Об общественной уборной,
О дровах и о сараях.

Я слагаю гимны, песни,
Критикую блох и блошек,
Заклеймил я с черных лестниц
Беспризорных драных кошек.

Выполняя „социально“
Специальные заказы,
Я держусь теперь нахально,
Как и многие пролазы.

Я добился громкой славы,
Я гуляю, нос задравши:
Мне поклонны от управа,
Мне улыбки — от управыши.

Я хожу себе с развальцем,
Я — известнейший писатель:
Мне дает уже два пальца
Сам домовый председатель.
П. Дружинин.

ЧЕЛОВЕК И ЦИТАТА

ИВАН ЛЬВОВИЧ — человек особенный: шаг
не ступит без цитаты.

Умываясь у раковины, присоединяется к Лю-
довику XIV:

— После нас хоть потоп!

Втискиваясь в трамвай:

— Человек человеку — волк!

На службе, изучая циферблат часов:

— Медленно движется время!

Изучая расписание поездов:

— Счастливые часов не наблюдают!

На допросе у следователя:

— Я знаю только то, что я ничего не знаю!
В театре при хорошей игре в плохой пьесе
говорит:

— Какой великий актер погибает!

Получив от бывшей симпатии письмо, в кото-
ром та сообщает, что одной кормить младенца
затруднительно, и угрожает нарсудом, скорбно:

— О, женщины, ничтожество вам имя!

Подумав, плюнув, делает дополнение уже от
себя:

— М-е-щанка!

М. Андриевская.

Ю. Ганф

КАПИТАЛИСТ: — Если б я не знал, что это микроб войны, я бы сказал, что он мне кого-то ужасно напоминает.

К. Елисеев

— Только вот масло для лампы за деньги покупаю. Не хочу бога обманывать...

П И С Ъ М О К Б О Г У

(Ш у т к а)

АКТИВНЫЙ безбожник по убеждениям и завпочтой Нижних Овражков по роду занятий Тарасюк явился в комсомольскую ячейку в аккурат к тому времени, когда бюро начало обсуждать „разное“.

— Прошу слова! — заявил Тарасюк, помахивая конвертом. — Обратите внимание, — сердито начал Тарасюк, — предрассудки и суеверия, товарищи, в нашем районе как таковые не изжиты. Что есть безусловно недооценка безбожной работы — и вообще. Сегодня вот вынули письмо из ящика. Обратите внимание.

На конверте был написан адрес: „Здесь, Господу-богу. Отцу, сыну или святому духу. В личные руки“.

А в письме значилось:

„Отец небесный! Прошу тебя удовлетворить мою посильную просьбу. Как я есть крестьянин-бедняк Нижних Овражков Игнатий Борщок. Что полагается, — делаю: молитвы читаю, попу мешок ржи отсыпал и вообще имею полное уваже-

ние. А между прочим живется тяжело и, главное, на-днях угнали козу из стада. А мне без козы нельзя, за неимением коровы. Прошу тебя, отец небесный, найти эту козу в короткий срок, либо пришли мне 50 рублей на покупку. Тебе пустыни, ты всемогущ, а мне без козы разор. Аминь“.

Прочитав письмо, комсомольцы расхохотались, потом покачали головами, потом пожали плечами и решили бросить письмо в печку.

Тарасюк, однако, сердито возражал:

— Товарищи, надо бороться с такими суевериями. Искоренить подобный опиум. Предлагаю нарисовать карикатуру в стенгазету и старого дурака Игнатия Борщока высмеять, как полагается.

Секретарь, однако, предложил другое:

— Не стоит старика обижать. Явно по глупости и несознательности написал. Предлагаю, товарищи, провести среди этого старика культурно-просветительную работу. Боль-

ше того, соберем среди ячейки четвертной, вызовем старика и передадим деньги с соответствующей пропагандой.

Так и сделали.

— Эх, старый, — усовещивал Игнатия Борщока культпроп Потылицын, — до седых волос дожил, а богу письма пишешь. Не знаешь, что бог есть миф, предрассудок, обман. Ну, куда ты письмо посылаешь! На небо, что ли? Так никакого неба нет и не предвидится. И наверху там сплошной эфир и атмосфера. Понятно?

— Ясное дело, — соглашался старик.

— Никакой, значит, тебе помощи предрассудок оказать не может, потому что — глупость, мечта. Понятно?

— Ясное дело, — снова покачал головой старик.

— Ну вот, понимаешь, а пишешь глупые письма. Вот что, старик. Мы тут решили все-таки помочь тебе. Не бог, а комсомольская ячейка. Ну, так вот, получай 25 рублей на

покупку козы. Да помни, что никакого бога нет и ждать от него помощи не приходится. И помог тебе не бог, а комсомольский коллектив. Понятно?

— Благодарим покорно, — сказали Игнатий Борщок, спрятав деньги в кисет и отправился домой.

Комсомольцы посмеялись забавному случаю и приступили к очередным делам.

А ровно через два дня активист-безбожник Тарасюк снова пришел в ячейку и снова принес такой же конверт с адресом богу. В письме тот же Игнатий Борщок тем же корявым почерком писал:

„Отец небесный! Спасибо тебе большое, что вынял моей просьбе и прислал деньги. Я знал, что ты не откажешь. Вот только зря ты послал эти деньги через нашу комсомольскую ячейку. Они, черти, безбожники, половину-то и стянули. Другую половину пришли лично мне: до востребования, Игнатию Борщону. Аминь“.

Бен-Гали.

Я — ПАРЕНЬ ОТКРОВЕННЫЙ

ВНАЧАЛЕ, надо прямо сказать, нам очень понравился Шура Белов, думали, парень — настоящий парень. Не скулит и койку содержит в порядочке и сам такой подтянутый, смуглоскулый. Собранный паренек. Немножко, правда, резало ухо то, что он многие вещи называл своими именами. Не то что неприлично, дело не в приличии, но все-таки это противно, и мы в очень вежливой форме намекали ему об этом и просили его раз навсегда по-человечески разговаривать. Николай даже сострил и сказал, что у каждого такого слова есть свой заместитель. Шура отнесся к нашей просьбе прохладно, продолжал свое, и делалось все противней и противней и казалось, что живешь не в комнате, а в уборной с резкими нехорошими надписями. Мы скрепя сердце терпели и никому на это не жаловались. Неудобно. Еще подумают, что это такое — третьего парня выталкивают, может быть, они сами такие, что с ними жить тяжело. Шура Белов не унывал, а мы чувствовали себя все угнетенней и угнетенней, и забегал к нам комендант и говорил:

— Что это вы, ребята, распустились. Мимо вашей двери кто ни пройдет, — шарахается. Прекратить надо. Позорите весь коридор.

И тогда я сказал твердо Шуру: „Брось это дело. Следи за своим языком, а то чепуха получается. Мы за тебя отвечать не намерены“.

Он удивляется и говорит, что ничего не видит особенного в том, что он вещи называет своими именами. И еще он говорит, что мы мещане и розовые барышни, поэтому мы боимся называть вещи своими именами.

— Мы не розовые барышни, — втолковывал я ему, — но нам просто противно. Понимаешь, противно. Ну, как это ты не понимаешь?

Вот Коля влюбился в Соню Тешарову, очень симпатичная девушка с совершенно синими глазами. Часто она забегала к нам, мыла нам стаканы, книжки одалживала. Очень симпатичная девушка с такими совершенно синими глазами, и Коле она определенно нравилась.

Мы с Шурой Беловым в ее отсутствие слегка подтрунивали над Николаем. Подтрунивали слегка, и Коля ничуть не обиделся, даже при этом у него приятная улыбка играла на верхней губе.

Вот сидим мы раз вчетвером, чай пьем, а Шура Белов и начинает вдруг откровенный разговор. Так, мол, и так, говорит, долго ли вы будете канителиться, и такое сказал про половой подбор и размножение, что всех нас в краску вогнал, а Соня заторопилась и немедленно ушла, якобы, ее там подруга ждет. У Николая разболелась голова, и он лег на койку и ни с кем не разговаривает. А Шура Белов удивляется и спрашивает:

— Что случилось? Почему ты, Коля, не в духе.

— Убирайся ко всем чертям! — ответил ему Николай и перевернулся на другой.

— Не понимаю, почему он злится, — обратился ко мне Шура. — Пусть, я не чутко подошел к этому вопросу, так я могу объяснить Сонин мой взгляд на эти вещи.

— Замолчи ты, — сказал я ему резко. Я услышал, как Коля скрипел зубами, повернувшись лицом к стенке и мне было его жалко. Зачастил к нам поэт Ваня Злюкин. Ничего поэт. Начинающий. Читал он нам свои стихи нараспев и всякий раз после каждого стиха спрашивал:

— Ну как, ничего?

— Ничего, — отвечаем мы. Надо же поддержать парня. Может быть, сейчас у него стихи неважные, а там, гляди, и выработается. Всякому делу при желании научиться можно. Раз его потянуло на стихи, — пусть. Это не плохое дело.

Однажды у нас Ваня очень долго засиделся, и когда он покинул нашу комнату, я сказал:

— Ну, слава богу, ушел, а то, прямо, замучил своими стихами... Действительно, мне спать очень хотелось, а сказать ему неловко, — еще обидится.

В следующий раз Злюкин только откашлялся и начал читать свои стихи, а Шура ему эдак грубо:

— Хватит стихов. Ты прямо нас замучил своими стихами. Я тебе это откровенно говорю, а они не скажут, — и он кивнул на меня и на Николая.

Ваня посмотрел на нас своим укоряющим поэтическим взглядом и поклялся в жизни к нам больше не ходить.

— Зачем это ты сделал? — набросился я на Шурку, как ушел поэт. — К чему? Кто тебя просил?

— Я — парень откровенный. У меня что на уме, то на языке, а вы как хотите.

Вот еще случай. У Федя Грохотова сердце слабое. Он и редко к кому ходит. Может, раз в месяц придет, посидит и уйдет. Раз мы после его ухода, жалеючи, говорим с Николаем, что счастливые люди эти сердечники — они умирают неожиданно, так что даже не слышат своей смерти и никаких болей не испытывают. Николай к этому еще рассказал про своего дядю. У него был дядя, тоже сердцем слабый. Вот пришел с работы, напился чаю, закурил, лег и больше не встал. Вот так и поговорили мы о сердечниках. А Шура Белов, как навестил нас Федя, и скажи ему про это. С Федей чуть ли не обморок. Тут уж Николай, на что спокойный и тот накинулся на Белова, а Шурка — будто и не касается это его.

— Ничего особенного не случилось. Просто я парню открыл глаза.

Мы с Колей в его присутствии перестали разговаривать. Потому — нельзя в его присутствии ни о ком говорить: сейчас передаст. Он и так нас перессорил со всеми ребятами.

— Я — парень откровенный!

Будь он неладен. Он отравил нам существование и в конце чуть не поссорил меня с Николаем.

Как-то я Коле подарил свои фиолетовые носки. Я и забыл про это, но вдруг понадобились мне самому носки, я их ищу и говорю громко: — Куда это делись мои фиолетовые носки?

Николай отвечает: — Они у меня, ты же мне их подарил.

— Верно ведь, — говорю, — а я забыл.

А Шурка Белов вмешивается и вставляет:

— Какого чорта забыл, просто жалко стало, только боишься об этом сказать.

— Если жалко, — говорит Николай, — возьми обратно.

И стало очень неловко и обидно, и я прямо закричал на этого Белова, а он как ни в чем не бывало только замечает:

— Я — парень откровенный и говорю то, что чувствую.

Ему, конечно, не удалось нас поссорить, но все-таки небольшую канаву он между нами вырыл. И, возможно, в конце концов этот Белов Шура и окончательно нас поссорил бы, если б к этому времени мы от него легко не избавились.

Раз говорит он нам:

— Что вы все злитесь. Может быть, я вам не нравлюсь?

Мы ему говорим, так и так, что вот из-за него нам от коменданта влетает, что он нас поссорил с ребятами. Но Шура не дал договорить и поставил вопрос ребром:

— Скажите откровенно, вы хотите, чтоб я от вас с'ехал.

— Да, — сказали мы вместе.

И как нам стало известно, он поселился туда ж, где жили Зануда и Главный несчастный.

А как жили вместе — Зануда, Главный несчастный и Я — парень откровенный, и что из этого получилось, — об этом как-нибудь расскажет Николай.

Он больше моего в курсе этого дела.

Б. Левин.

РАЗГОВОРОЧКИ

ТРАНСПОРТНАЯ БОЛЕЗНЬ

— Мынче грузчики слабосильные пошли... Как понесут ящик — обязательно уронят и разобьют...

— Пустые?

— Дураки они, — пустые разбивать. Конечно, с мануфактурой.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

— Синьки! Что можно быстрее: увидеть или услышать?

— Увидеть.

— Чем ты можешь донавать?

— А вот возьмем, например, радиопередачу. Что утром уже видел в газете, — к вечеру только по радио услышишь...

К. Ротов

В ТРАМВАЕ

— Гражданин, вы ведь за мою бороду держитесь...

— Пустяки! Я через три остановки выхожу.

СТРАШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

(Рассказ старого моряка)

СТАРИК-литейщик с опытного завода ЧТС Бочков, как всегда, удобнее уселся у временки, придвинул к ней болотные сапоги, набил трубочку и крикнул. Молодежь придвинулась поближе к Бочкову и наострила уши. Бочков слыл старым бывалым морским волком, и рассказы его славились на весь завод.

— Что же вам рассказать, ребята? — спросил Бочков. — Про тайфун разве в Японском море, возле Сахалина?.. Шли мы в ту пору на паруснике и попали в самый центр тайфуна. Ветер 12 баллов, со всех сторон водяные горы, рвет и мечет. На паруснике объявили аврал. Ударили в склянки. Кричу матросам: „Сос! Спасай, ребята, корабль!“

— Дядюшка Бочков, — зевнул молодой формовщик, — скучно это самое. Расскажи что-нибудь пострашнее.

Бочков крикнул и задумался.

— Пострашнее? Что же вам рассказать такое? Ну, хотите, расскажу, как мы попали к людоедам на Соломоновы острова.

— И про людоедов слышали, дяденька.

Бочков почесал затылок, пыхнул трубочкой и задумался.

— Ну, ладно, ребята, — оживился Бочков, — расскажу я вам один страшный случай из недавнего прошлого. Вот где страху-то натерпелись. Только смотрите — ведь спать потом не будете.

Ребята придвинулись ближе. Бочков затащил махорку и начал:

— Было это не так давно. У нас на Челябинском тракторном. Приходит к нам в цех завком и говорит:

— Вот что, товарищи, записывайтесь добровольцами ехать в выходные дни в коопхоз. Имеется ударное задание — копать картошку для улучшения рабочего снабжения и вообще быта. Понятно?

Записалось у нас человек 15, и меня бригадиром выбрали.

Сели на машину, поехали в наш коопхоз. Настроение у нас было самое боевое, одним словом, сверхударное.

Рассыпались мы по полю, копаем картошку, сыплем ее на машины, песни поем, гармонь играет, солнышко светит. Красота!

Подошло дело к обеду. Сыпем, ребята, — кричу, — в организованном порядке в коопхозную столовую насчет шамовки.

Идем в столовую, — не пускают. Стоит на пороге мрачная личность людоедского вида, кулаки величиной с арбуз и рычит зверским басом:

— Куды? Откатывайся! Нету на вас списков. Много вас тут таких шляется нахлебников. Не подохнете и без обеда.

Потолковали мы с ним, поспорили, — видим, что скорей скалу в каменном карьере прошибешь, чем такого супчика, повернули обратно в поле, не евши, взялись опять за картошку.

К вечеру опять в столовую, — опять нет списков.

Ребятам стало скучно. Ну, я как бригадир все-таки нашел выход. Картошки накопали, сварили и кое-как без хлеба закусили.

Утром опять работаем. Вечером опять обеда нет.

Мы к заведующему.

— Довольно странно, — говорит заведующий, — что вы такие неосознательные. А еще рабочие-ударники. Сегодня же отдам распоряжение счетоводу, чтобы включил вас в списки. А что касается того, что голодны, так это простая иллюзия. Наукой доказано, что человек очень свободно по 17 суток без пищи обходиться может.

Так и пошли опять, не евши.

Ну, тут уж мои ребята взбунтовались. Кинулись к шоферам. Везите нас обратно на завод. Но шоферы, между прочим, тоже оказались довольно людоедского характера.

Нам, говорят, задание картошку возить, а не рабочих! Часа четыре с ними поспорили. Попробовал, было, один парень залезть на грузовик, так шоферы организованным порядком его оттуда сбросили и головой в песок воткнули.

А тут солнышко исчезло, темно, холодно, в животах урчит. До завода без малого тридцать километров, ехать не на чем.

Поперли мы обратно на завод пешком.

Вот видите, товарищи, какие страшные вещи случаются у нас тут под боком, на заводе. От страха некоторые прямо-таки поседели.

Бочков замолчал и пыхнул трубочкой. Ребята ежились от страха. Угольки в печке бросали зловещий отблеск на беседующих.

Челябинск.

Гехт.

К. Р.

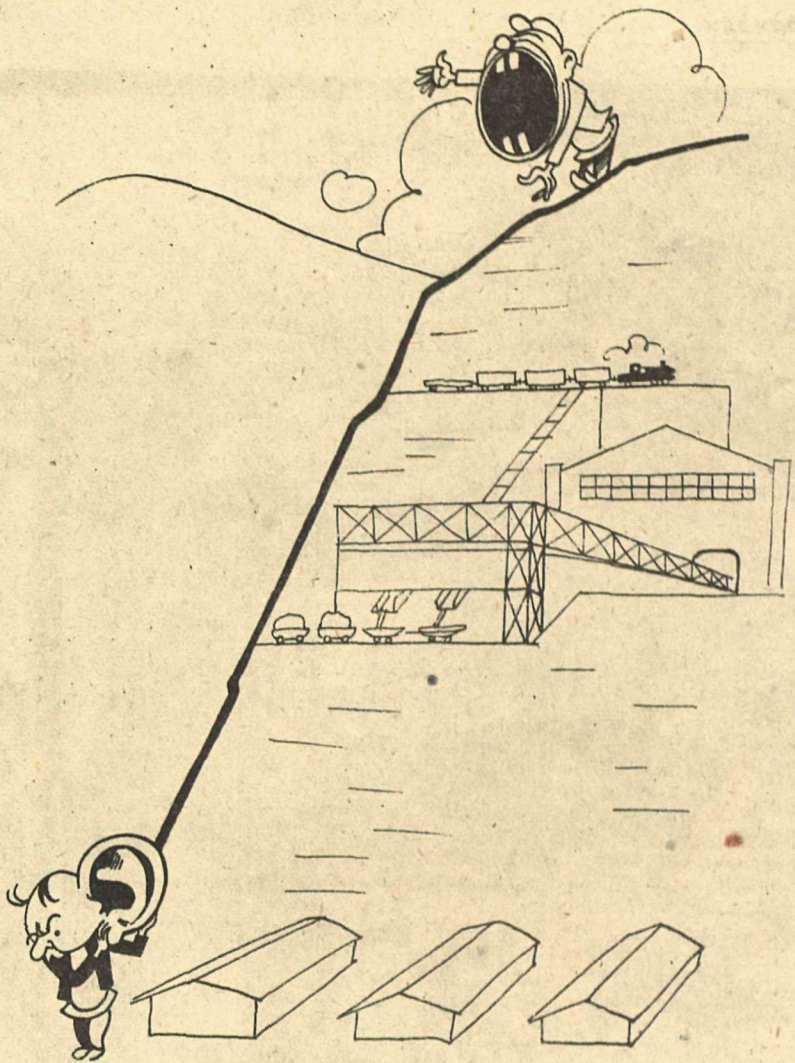

— Что ты разлежся на моей постели?

— Отстань: я к докладу о культурном бараке готовлюсь.

На Рудодробильной фабрике плохо обстоит дело с сигнализацией, — сверху кричат, а снизу ничего не слышно.

В. Брискин

МЕХАНИЗАЦИЯ ПО-МАГНИТОГОРСКИ.

МАГНИТОГОРСКИЕ ТЕЛЕГРАММЫ

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

29 августа. — Пути коксовых машин не убираются от мусора. Ломаются дверезэкстракторы, портятся механизмы. Простой по этой причине достигают нескольких часов в сутки. Спрошенный по этому поводу „Крокодил“ ответил: „Не потому ли, здесь двери простаивают, что работнички коксовых печей зря брюки просиживают?!“

НЕНУЖНАЯ ШУМИХА

1 сентября. — Вчера механики дома забыли отремонтировать тросс у шорт-клапана. Смена дула полтора часа на шорт-клапан, то-есть со страшным шумом выпускала дутье на воздух без всякой пользы для работы домны.

— Много шуму из-за пустяков! — сказали механики.

САМООБЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

25 августа. — В порядке снабжения коксовиков, доменщиков и строителей магазин Уралторга на

первом участке получил большую партию шелковых подушек для диванов. Цена от 46 рублей и выше. Не будет ли среди пролетариев Магнитогорска начат сбор средств на постройку дома для сумасшедших кооператоров и снабженцев?

ЦЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

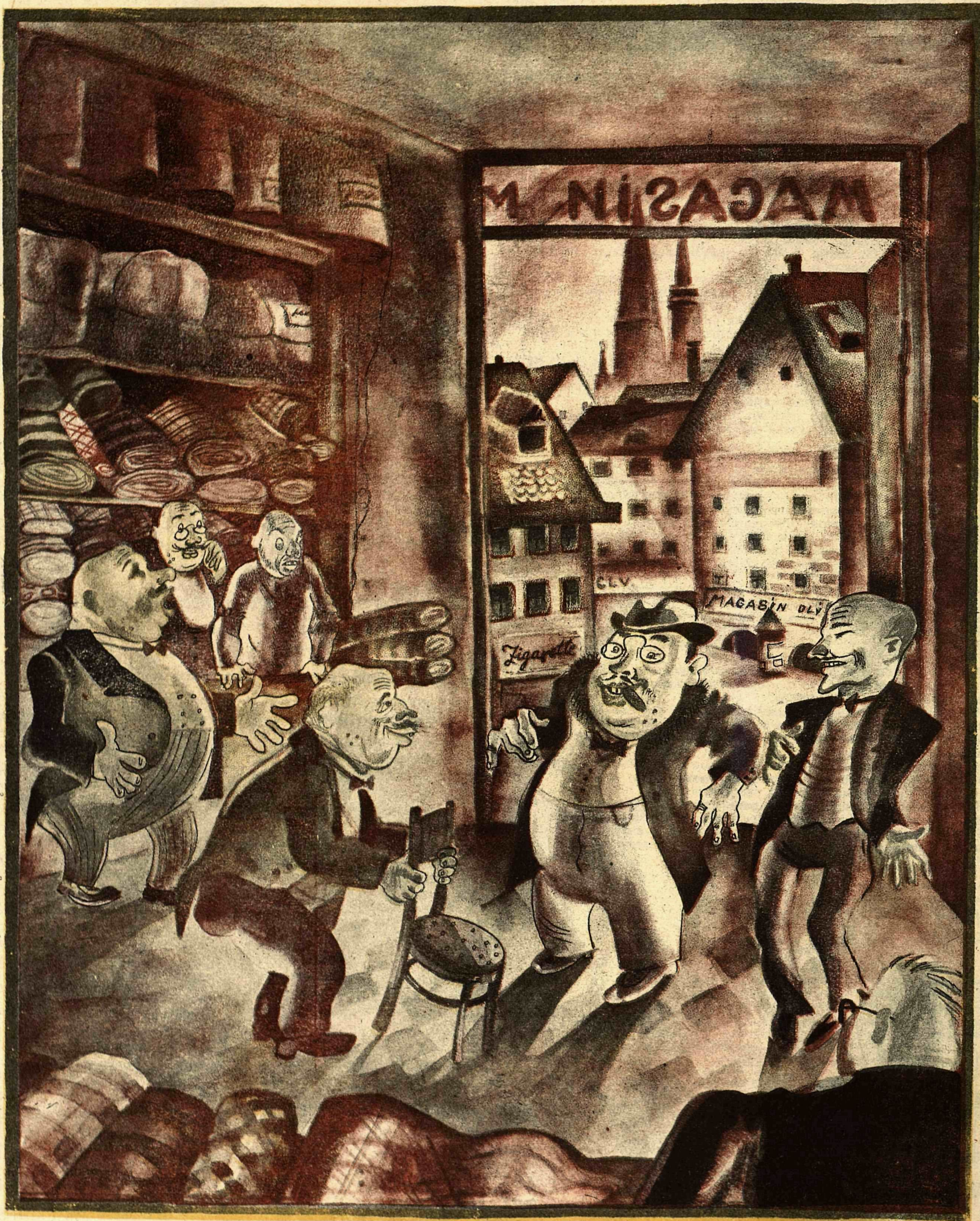
29 августа. — Из колхоза „Путь к коммуне“ сообщают о новых достижениях науки и техники на музыкальном фронте. Шафы колхоза — коммунально-бытовой отдел Магнитогорска во главе с начальником отдела, председателем местного Батуриным и профработником Комаровым прибыли на уборочную, захватив с собою оркестр. В день приезда крепко выпили, на другой день опохмелились и показали достижения: превратили духовые инструменты в ударные, избив коменданта поселка кларнетом. Колхозники выражают шефам признательность за воздержание от превращения всех инструментов в огнестрельное оружие.

ПРИЩУРЕННЫЙ ГЛАЗОК

В столовой стройки № 17 нет гирь, и хлеб рабочим режется „на глазок“. Глазок же оказался такой неприятный, что как ни отрежет — все вместо 200 граммов хлеба ударнику приходится 100.

Прямо скажем, вороватый этот прищуренный глазок. Следует столовой комиссии открыть глаза и прекратить это надувательство рабочих.

Налбандян

— Вам что изволите, пальтишко или ботинки?

— Вы с ума сошли. Я сам владецу магазина на соседней улице и зашел спросить, как дела...

ПОРТРЕТЫ

1. ГЕРОЙ ДНЯ

ДЕ он служит, кем он служит, —
Неизвестно никому,
Но везде обед и ужин
Предложить спешат ему.

Для него проходит мигом
У хозяйки голова,
Для него бросают книгу
И вздувают самовар.

Для него всегда готовы
Потерять билет в кино,
И его любое слово
Пьют, смакуя, как вино.

При его тупых остротах
Все смеются через край,
Для него — повсюду отдых,
Для него — повсюду рай.

Жены, девушки и дети
Смотрят только на него,
Точно нет нигде на свете
Интересней никого.

Кто же он? Поэт? Писатель?
Всеми признанный актер?
Музыкант? Изобретатель?
Или кинорежиссер?

Мне ответили на это:
Он.. ну, как бы вам назвать...
Он — никто... но как-то, где-то
Все умеет доставать!

2. КУЛЬТУРТРЕГЕР

ОН с завидным постоянством
Гордо борется с мешанством,
Издавается над пьянством
И громит в стихах картеж.

Враг семейного корыта, —
Он бичует ядовито
Старый хлам гнилого быта,
Прославляя молодежь...

Он привык к работе точной
И, вставая в час урочный,
Разливает яд построчный
Аккурат на двести строк.

А потом он отдыхает:
Сына бьет, обед ругает,
Пол-литровки выпивает
И играет в покерок.

Вас. Лебедев-Кумач.

К. Елисеев

В отчетах многих хозорганизаций слово «растрата» для благозвучия заменено термином «недостача».

ПЕРЕД ОТЧЕТОМ.

ПЕРЕПИСКА С НЕИЗВЕСТНЫМИ

ВОПРОС: Способствует ли работа на гужтранспорте досрочному развитию остроумия и некоторому дефекту умственных способностей?

ОТВЕТ: Как правило — нет, но иногда бывает. Вот, например, в каком стиле отвечает председатель Гулиновской гужтранспортной артели (ЦЧО) на предложение о разведении кроликов: «Получив повторное сообщение о разводе кроликов, мы волнуемся вашему легкомыслию. Надо предлагать больше разводить коров, а от кролика за

год одна четверть фунта пуху да пять пудов зловонного духу. Уход за ними, как за детьми, а у нас бездельников нет, чтобы тереться у клеток».

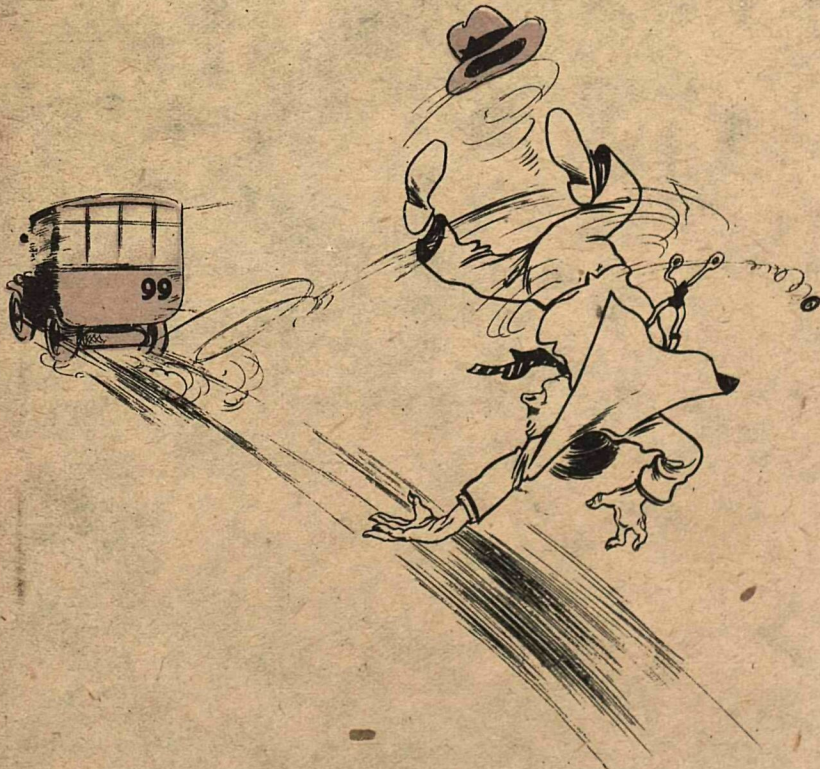
Как известно, в каждой гужтранспортной артели имеются люди и лошади. Функции их весьма разнообразны, и не надо удивляться, что в Гулиновской артели одному из пристяжных приходится вести и деловую переписку.

ВОПРОС: Кому принадлежит фраза «А судьи кто?»

ОТВЕТ: Сначала принадлежала Чацкому из грибоедовского «Горе от ума», а теперь воспользовались мы, после того как нарсуд 1-го участка в Алма-Ата вынес решение передать помещение красной чайханы под молельню адвентистов седьмого дня.

Теперь адвентистам придется, кроме седьмого дня, праздновать еще один: тот самый, в который алма-атинский нарсуд занимался головотяпством. Жаль, если таких дней в год в Алма-Ата окажется три, пять.

М. Х.

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

— А номерок-то я все-таки заметил: шестьдесят шесть!

ВИЛЫ В БОК

БУХГАЛТЕРИЯ С ЗАВОРОТАМИ

Председатель Александровского колхоза, Иловлийского района, Кузнецов продал на базаре семечек на 1.400 рублей, за которые отчитался перед правлением так:

«500 рублей заплатил за гвозди и стекло, но у меня их отобрали, 500 рублей шпана вытащила, на 200 рублей меня обманули, 200 рублей не знаю, куда делись».

Существует анекдот об одной даме, которая отчитывалась перед мужем примерно так:

«12 мая.
1. Купила булавки — 10 к.
2. Коробку пудры — 40 «
3. Нитки белые — 15 «
4. Дала нищему — 1 «
5. Неизвестно куда 93 р. 32 «

ИТОГО сегодня истратила 93 р. 98 к.»

Отчет Кузнецова точно такой же: ловкость рук и никакого мошенства!

АРАПСКИЕ БЫЛИ

Заведующий электро-светолечебницей в городе Туапсе Горковенко поместил в газете «Ударник» громкоговещательную саморекламу. Из 14 медицинских специальностей всеобъемлющий Горковенко лечит по следующим семи:

«Душевные и нервные, по криминалистике, по психологии, психотехнике и педологии, лечение заикающихся, лечение наркоманов, электрокабинет, морские ванны».

Особенно сильна подпись под рекламой:

«Зав. электро-свето-водолечебницей и поликлиникой РОКК врач-психиатр, невро-типно-криминало-психолог Горковенко».

Левой рукой нервы пришивает, правой рукой гипнотизирует, левой ногой светом лечит, правой ногой в ванны сажает, левой головой...

Святая троица в одном лице: бог-психолог, бог-педолог, бог-дух-гипно-криминолог.

РАСТРЯСЕННЫЙ

Заведующий амбулаторным пунктом совхоза «Партизан», село Раздольное, Тамбовского района, истинный ветеринар: он выдает работникам о рождении ребенка такие справки:

СПРАВКА

Дана сия гр. К—ой Л. Н. (указана фамилия) в том, что таковая действительно растряслась 8/VIII-32 г., что и по настоящее время является живым.

Печать, подпись.

Неудивительно, если корова получит подобную справку:

СПРАВКА

Дана сия «Буренке» в том, что таковая действительно родила ребенка...

Да, дорогой товарищ, вас сильно «растрясло».

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митицкий.

Зав. редакцией И. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 1000

Сдача текста и рисунков — 26/VIII.

Подпись к печати — 8/IX

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

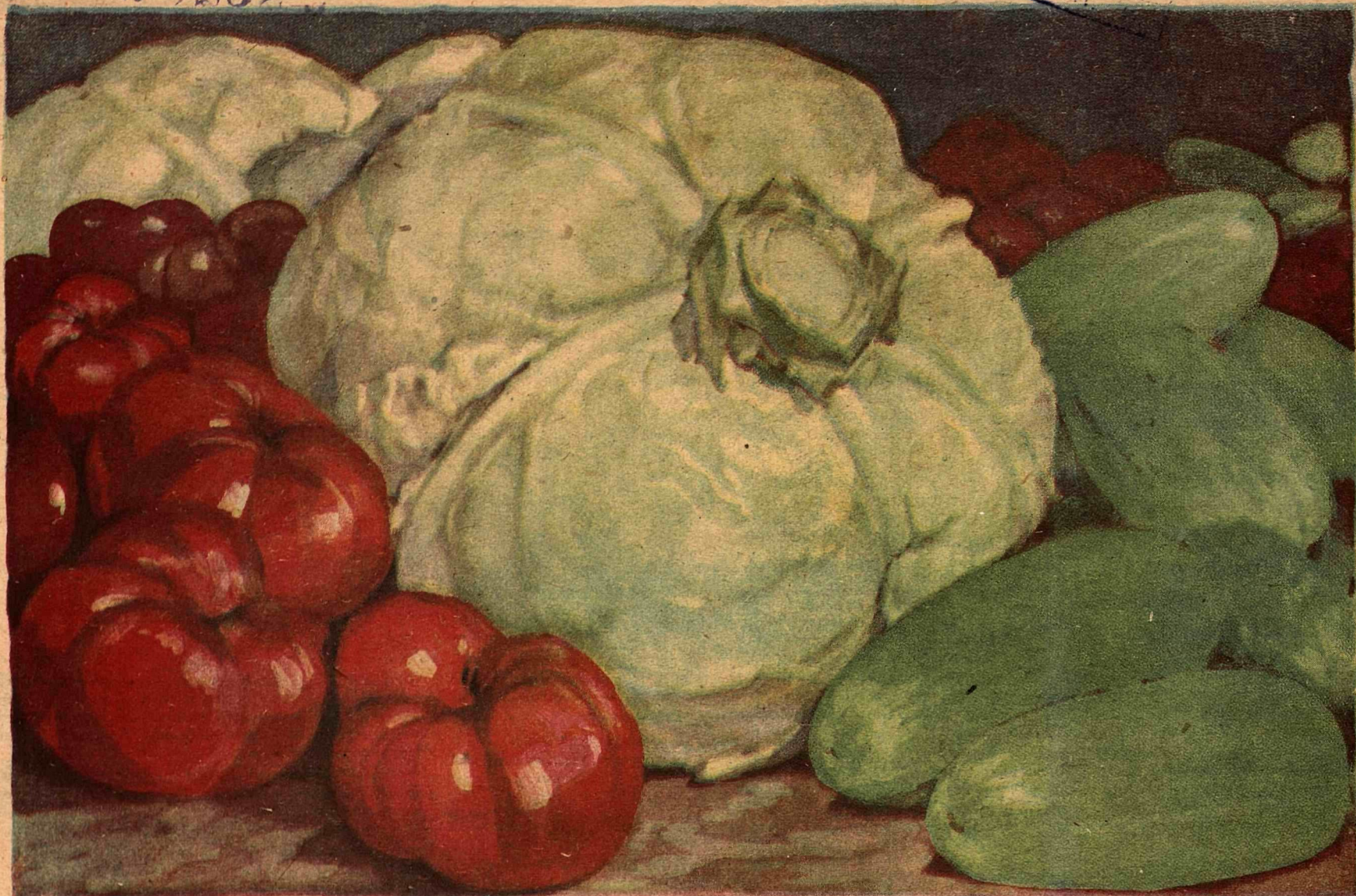
Уполномоченный Главлита № В — 19230

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) «Правда», Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 2481. Тираж 400.000 экз

АРХИВ
22 ОКТ 1932
Г. Ц. Н.

А. Топиков 8252 ✓

ТАКИМИ ОВОЩИ БЫВАЮТ В ОГОРОДЕ...

Топиков

А В КООПЕРАТИВЕ — В ЭТОМ РОДЕ...